

Ханна Арендт. Ответственность и суждение / Сост. Дж. Кон, пер. с англ. Д.Аронсона, С.Бородиной, Р.Гуляева. М.: изд-во Института Гайдара, 2013. – 351 с.

В сборник вошли прежде не публиковавшиеся сочинения, написанные Арендт в последние годы ее жизни и посвященные моральным проблемам. Это «Личная ответственность при диктатуре», «Некоторые вопросы моральной философии», «Коллективная ответственность», «Мышление и соображения морали», «Размышления по поводу событий в Литл-Роке, «“Наместник”: вина – в безмолвии?», «Освенцим на суде» и «На голову проклинаящего».

Название книги вполне соответствует темам помещенных в ней работ: речь о том месте, какое занимает политическая ответственность в теории суждения Арендт. Как пишет автор предисловия «Способность суждения и ее связь с политической ответственностью Д.Аронсон, «хотя суждения - <...> прерогатива отстраненного зрителя, это <...> не означает непреодолимой границы между *vita activa* и *vita contemplative* <...> Наоборот: суждение порождает политическую ответственность и поэтому потенциально способно превратить зрителя в политика» (с.24).

Сама Арендт пишет, что суждению отведена столь выдающаяся роль потому, что человек обречен играть роль на сцене мира, а если он хочет к тому же не только быть гражданином в обществе, «где нас уравнивает публичное пространство, специально отведенное для политической речи и действия», но чтобы его рассматривали самого по себе, то он обречен стать личностью, обладающей отчуждаемостью от убеждений большинства (с.45 – 46), обязываясь «сметь свое суждение иметь». Рассматривая силу действия такой личности, даже взятой под аспектом бездействия, Арендт показывает, сколь много она способна осуществить, если при диктатуре просто устранился от общественной жизни, отказываясь «сотрудничать», «избегая тех “ответственных” областей, где этой поддержки требовали под именем повиновения. Достаточно лишь на секунду представить себе, если бы достаточное число людей поступило “безответственно” и отказалось поддерживать режим, пусть даже не восставая и не сопротивляясь открыто, чтобы понять, каким это могло бы быть могучим оружием» (с.81).

Анализируя проблему пересмотра правовых категорий, необходимого в современном мире, Арендт обращает внимание на то, что неспособность и нежелание жестко осмыслить прошлое привела к забвению моральных уроков и, как следствие, к замещению юридически осмысленной речи «любимыми выражениями эмоций», приводящими к тому, что тоталитарная история недавнего прошлого «становится дешевой и сентиментальной даже тогда, когда чувства рассказчика не наигранные <...> Атмосфера, в которой сегодня протекает обсуждение, перенасыщена эмоциями, зачастую весьма низкопробными» (с. 91). Потому вопрос о том, существует ли моральная философия со времен Канта остается открытым и прежде всего потому, что происходит смешение морального поведения с повиновением (религиозным прежде всего), Арендт подчеркивает разницу между моральным законом и религией. Анализируя Канта, она пишет, что его «две вещи», то есть знаменитые строки о звездном небе над головой и моральном законе во мне, часто считают однопорядковыми и одинаково воздействующими на человеческий ум. На деле «первая вещь» уничтожает значение человека как живого существа, а «вторая» бесконечно повышает его ценность. Именно в то время, как моральный закон провоцирует внимание к самости человека, спасающей его от превращения в

«ничтожную точку» бесконечной вселенной, религиозный закон вызывает к добродетели смирения, поскольку Церковь – «это всегда церковь грешников». «Повиновение может иметь место в делах религии и политического строя», отчего они зачастую выступают вместе: «религия принуждает к повиновению, угрожая будущими карами, и правовой порядок, точно так же, может существовать только в той мере, в какой существуют санкции». А категорический императив полагает, что «я повинуюсь своему собственному разуму» (с. 106–107).

Поэтому рассматривая вопрос о коллективной ответственности за случившиеся злодеяния, Арендт жестко отличает понятие (моральной) ответственности от (религиозного) понятия вины. Эти термины, полагает Арендт, в их слиянии с коллективом (коллективная ответственность или вина) вызывают интерес в силу политических трудностей, а не моральных или правовых. Их слияние опасно в том смысле, что способствует снятию ответственности с конкретной личности (с.205 – 207). Но каждый может принять ответственность за прошлые свершения в той мере, в какой он – член общества. в противном случае «признанная в обществе функция стандартных, конвенциональных дежурных фраз и клише» защищает нас не только от реальности, но и от «мыслительной активности», то есть попросту уничтожает мышление (с.219).

Хорошо подобранная книга Арендт оказалась весьма актуальной для современного положения дел. Она может быть рекомендована всем без исключения желающим быть гражданином страны, общего блага которой желают.

Карл Шмит. Государство: право и политика / Пер с нем. и вступ. ст. О.В.Кильдюшова; сост. В.В.Анашвили, О.В.Кильдюшов. М.: Издательский дом «Территория будущего» (серия «Университетская библиотека Александра Погорельского). – 448 с.

В книгу немецкого правоведа и политического мыслителя входят такие работы, как «Гарант конституции», «Легальность и легитимность», «О трех видах юридического мышления». В нее включены приложения, включающие произведения Г.Кельзена «Кто должен быть гарантом конституции?» и О.Кирххаймера и Н.Ляйтеса «Замечания по поводу книги Карла Шмита «Легальность и легитимность». Во вступительной статье О.В.Кильдюшова «Между правом и политикой: Карл Шмит в начале 1930-х» большое внимание уделяется «Веймарским дебатам», спровоцированным шмиттовским «Гарантом конституции», во главе угла которых стояла «проблема демократической легитимации предполагаемого гаранта конституции» (с.19). Смысл «Гаранта конституции» - в поиске выхода Веймарской республики из системного кризиса. Шмит видел его в замене «плюралистического государства конкурирующих партий субстанциальным порядком с единой государственной волей, для чего необходима президентская диктатура». Участником этих дебатов и был Кельзен, статья которого прилагается к сборнику. В работе «Легальность и легитимность» Шмит противопоставляет «ценностно-нейтральной формальной легальности правового позитивизма» «субстанциальную легитимность». Ее источником является «гомогенный народ». О.В.Кильдюшов, считая наивностью «пытаться искать сегодня у Шмита окончательные ответы на все вопросы», тем не менее полагает, что шмиттовский анализ власти и права «может быть полезен всем тем интеллектуалам в современной России, кто сегодня стоит перед вполне объяснимым соблазном легитимации – юридической, социологической, философской и т.д. – тех отношений политического и социально-экономического господства, что носят очевидно архаичный, не

поддающийся демократической легитимации и в этом смысле досовременный характер» (с.26). Хотелось бы, чтобы этот сильный тезис был развернут.

Гераклит Эфесский: все наследие: на языках оригинала и в рус. пер.: крат. Изд. / подгот. С.Н.Муравьев. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2012. – 416 с.

Это первое полное издание Гераклита Эфесского, снабженное примечаниями, указателями и библиографией, осуществленное С.Н.Муравьевым, роль которого в представлении наследия этого древнегреческого философа трудно переоценить. Трудно переоценить, правда, прежде всего роль самого Гераклита в формировании начал философии, чему свидетельства – многочисленные философские обращения к его трудам. Как известно, Хайдеггер считал его одним из трех столпов начинающейся мысли. В книге две части: первая - тексты Гераклита, перевод и примечания, вторая – «ссылки на источники, указатели и краткая библиография». С.Н.Муравьев, переводчик, комментатор Гераклита и критик его переводов поместил своеобразное послесловие – свое выступление на Международной конференции памяти Михаила Петрушевского, состоявшейся 15 октября 2011 г. в Скопье и озаглавленное «Семь смертных грехов филологии, изучающей наследие досократиков». К этим грехам относятся: 1) амнезия, 2) незнание источников, 3) презумпция виновности текста, 4 - 7) отсутствует, Муравьев сказал, что он до них еще доберется. Зато он дает рекомендации, как бороться с первыми тремя грехами. Им нужно противопоставить: изучение и собиание текстов, использовать принцип невиновности текста, которому соответствует принцип осторожности, принцип нетождественности даже очень схожих текстов, запрет судить о качестве информации на основании репутации автора источника, необходимость опираться на контекст источника, запрет использовать герменевтический круг. Все перечисленное, разумеется, надо бы поставить в кавычки, ибо оно принадлежит Муравьеву. Я эти места не закавычила просто потому, что было бы смешно, поставь я в кавычки слово «амнезия» или «незнание источников»: все читалось бы наоборот. Более того, исследователь станет при соблюдении перечисленных принципов «филологом-историком философского творчества», а после этого «историком философии», «**но не философом**» (выделено Муравьевым), «ибо философы – никудышные филологи и никудышные историки (будь то Гегель, Ницше, Хайдеггер или Поппер)» (с. 264). Это очень оптимистический вывод. О трудностях понимания Гераклита см. также: Логос. 2011. №4 (83).

С.С.Неретина

Светлана Неретина. Произведение – Текст – Произведение. СПб.: СПбГУП, 2012. – 164 с.

В книге на основе концептуального анализа показывается, как смена рациональных принципов в каждой из исторических эпох (Античности, Средневековье, современности) связана с изменениями определений человека, его места в мире и пониманием мира. В центре исследования – театр, который оказался наиболее чувствителен к государственным ломкам, и его функции в разные времена. Фиксируется внимание не на идею передачи (традиции) накопленного знания, а на «поражение понимания», делающего доступным наследие ушедших эпох только сквозь призму современной мысли и ее «догадничества», возможности усмотрения прошлого в использовании языка, сохраняющего прежние навыки выражения. Разум представлен через театральные ум греков, спекулятивный и зрелищный у римского действующего лица, теологическое зрение средневекового

мастера и концепты современного ума, лично схватывающего целое по фрагменту, по теоретическим разработкам. Современный ум вынужден обрабатывать сферу «между» многочисленными «я», затыми самодетерминацией внутри нового субъекта истории – масс-субъекта, тем самым оставаясь метафизическим.

Книга основана на лекциях, прочитанных в Санкт-Петербургском Государственном университете профсоюзов, а потому рассчитана на эрудированного читателя, прежде всего – студентов и аспирантов, исследующих проблемы культуры.

Смаллиан Раймонд. Вовеки неразрешимое. Путь к Гёделю через занимательные загадки. Пер. Целищев В.В. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2013.

Рэймонд Смаллиан воплощает в одном лице единственное в своем роде собрание различных профессий: философ, логик, математик, музыкант, фокусник, юморист, писатель и составитель великолепных задач-головоломок. Искусный писатель и замечательный юморист, Смаллиан любит облекать свои задачи в литературную форму, нередко пародирующую какие-нибудь известные произведения. Делает это он настолько хорошо, что его книги, изобилующие всякого рода парадоксами, курьезами и задачами, с удовольствием читают и те, кто даже не пытается решать задачи.

Рэймонд Смаллиан является одним из многих выдающихся логиков, которые учились под руководством Алонсо Черча. Смаллиан – автор большого числа книг по занимательной математике и занимательной логике.

Эта книга представляет собой введение в теоремы Геделя посредством логических занимательных проблем с применением математической логики. Аргументация Геделя перенесена из формальной области математических систем в область идей, более доступных обычному читателю. Основной упор сделан на системы вер и их соотношению с математикой. Это приводит к семантике возможных миров, которая играет существенную роль в компьютерных исследованиях и искусственном интеллекте.

Джон Урри. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия. / пер. Д.Кралечкина. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 336 с.

В настоящей работе ведущий британский социальный теоретик Джон Урри утверждает, что традиционное основание социологии – исследование общества – утрачивает свое значение в мире, где происходит постепенное стирание границ. Если социология намерена внести свой вклад в понимание «постсоциетальной» эпохи, она должна забыть о жестких социальных конструкциях, существовавших до наступления глобального порядка, и сосредоточить внимание на различных видах физического и виртуального движения и перемещения. Предлагая такую «социологию мобильностей», Урри рассматривает путешествия людей, идей, образов, объектов, посланий, мусора и денег через международные границы и анализирует влияние, оказываемое такими «мобильностями» на восприятие времени, пространства, жизни и гражданства.